

В.П. Мещеряков

Базаров

БАЗАРОВ ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ — главный герой романа И.С. Тургенева «Отцы и дети», единственный сын незнатного и небогатого отставного штаб-лекаря. Мать Базарова, Арина Власьевна, — женщина очень чувствительная и набожная, истово верящая в приметы; ей бы «следовало жить лет за двести в старо-московские времена». Она «очень добра и, по-своему, вовсе не глупа», но все ее образование исчерпывалось одним, в молодости прочитанным сентиментальным романом, клавирами и поверхностно усвоенным французским языком, которые со временем сменились усердными хлопотами по хозяйству. «Сына своего она любила и боялась несказанно...»

Отец Базарова некогда служил в бригаде генерала Кирсанова, дяди Аркадия, знал и полководца Витгенштейна, и поэта Жуковского, и многих декабристов, хотя меж ними, разумеется, пролегла заметная социальная дистанция. Как «с надменной гордостью» подчеркивает Базаров, его дед со стороны матери был дьячком и «землю пахал», но другой его дед был секунд-майором, служившим при Суворове.

По роду службы отца семья часто переезжала, пока не осела в маленькой родовой деревушке. Родители Базарова живут в небольшом домике, но не нуждаются. Василий Иванович, удалившись от дел, бесплатно лечит окрестных мужиков и по возможности следит за новостями в медицине. Сына своего он «боготворит». Все честолюбие старика, по его признанию, заключается в том, чтобы со временем в биографии сына (Василий Иванович твердо уверен, что рано или поздно его Евгений прославится) было написано: «Сын простого штаб-лекаря, который, однако, рано умел разгадать его и ничего не жалел для его воспитания...»

Отношение самого Базарова к родителям неоднозначно: он, несомненно, любит их, хотя и скрывает это чувство за грубоватой иронией. В известной степени он даже завидует родителям. «...Они... заняты и не беспокоятся о собственном ничтожестве, оно им не смердит... а я... чувствую только скуку и злость». «Воспоминания детства, — отмечает Тургенев, — не имели власти над ним».

Возможно, что именно пример родителей послужил для Базарова стимулом ухода в другую жизнь. «Как посмотришь этак сбоку да издали на глухую жизнь, какую ведут здесь “отцы”, кажется: чего лучше? Ешь, пей и знай, что поступаешь самым правильным, самым разумным манером. Ан нет; тоска одолевает. Хочется с людьми возиться, хоть ругать их, да возиться с ними».

Базарова трудно назвать красивым. Лицо его «длинное и худое, с широким лбом, кверху плоским, книзу заостренным носом, большими зеленоватыми глазами и висячими бакенбардами песочного цвету, оно оживлялось спокойной улыбкой и выражало самоуверенность и ум». Руки у него большие, красные и шершавые.

В любой обстановке Базаров держится спокойно и уверенно. Так, при первой встрече с отцом Аркадия он говорит «ленивым, но мужественным голосом», а со слугами и вовсе не церемонится («...Поворачивайся, толстобородый!» — обратился Базаров к ямщику). И дворовых это вовсе не обижает. Слуги и мальчишки в доме Кирсановых очень скоро привязались к Базарову, поскольку он «владел особенным умением возбуждать к себе доверие в людях низших, хотя никогда не потакал им и обходился с ними небрежно». Даже сын Фенечки охотно идет к Базарову на руки.

Иначе складываются отношения Базарова с мужиками. «...Презрительно пожимавший плечом, умевший говорить с мужиками Базаров (как хвалился он в споре с Павлом Петровичем), этот самоуверенный Базаров и не подозревал, что он в их глазах был все-

таки чем-то вроде шута горохового». Примечательно, что Тургенев дважды изображает игру в карты, причем оба раза Базаров проигрывает, то есть проявляет себя неважным психологом.

Характер героя постигается через его поступки. Пространных речей Базаров не любит, хотя его высказывания преимущественно безапелляционны и тяготеют к афористичности («Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта», «Сперва надо азбуке выучиться и потом уже взяться за книги», «Рафаэль гроша медного не стоит», «Свободно мыслят между женщинами только уроды» и т. п.). Однако, подчеркивает Тургенев, «в пошлости никто не упрекнул бы Базарова».

Базаров не испытывает ни тени сомнения в своем праве судить о достоинствах и недостатках любого. «Всякий человек сам себя воспитать должен, — ну хоть как я, например... Нет, брат, все это распушенность, пустота!» Трезво и индифферентно оценивая умение Николая Петровича вести хозяйство, Базаров не может удержаться от иронии по поводу музыкальных пристрастий Кирсанова-старшего («...в сорок четыре года человек, *pater familias*... играет на виолончели!»).

Одновременно с этим, считая себя абсолютно трезво мыслящим, Базаров порой способен на не меньший, чем у «стариков», «романтизм» (совет дать Николаю Петровичу «*Stoff und Kraft*» вместо Пушкина).

Основная направленность образа Базарова — идеологическая. Он выступает как ниспровергатель всех устаревших, с его точки зрения, авторитетов и социальных норм. При этом Базаров исходит из представляющегося ему универсальным принципа «полезности» («Мы действуем в силу того, что мы признаем полезным... В теперешнее время полезнее всего отрицание — мы отрицаем»), видя задачу нового поколения в «расчистке места». По определению Аркадия, находящегося под сильнейшим влиянием Базарова, его друг «не склоняется ни перед какими авторитетами... не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип». И сам Базаров заявляет, что не знает ни одного «постановления в современном нашем быту, в семейном или общественном, которое бы не вызывало полного и беспощадного отрицания».

И это не просто фраза. Идя на поводу своих «ощущений», которые, по утверждению Базарова, определяют сущность человеческих действий, он без малейших колебаний нарушает элементарную мораль (целует Фенечку). Правда, вспомнив «другую недавнюю сцену» (с Одинцовой), Базарову стало «совестно... и презрительно досадно». Однако причина этой досады не столько в недовольстве собой, сколько в том, что свидетелем его поступка стал Павел Петрович. О самолюбии других Базаров и не помышляет. «Ситниковы нам¹ необходимы, — говорит он Аркадию. — Мне, пойми ты это, — мне нужны подобные олухи. Не богам же, в самом деле, горшки обжигать!..» «Нам других ломать надо!» Ни тени сомнения не возникает у Базарова в том, что другие не равня ему. «Когда я встречу человека, который не спасовал бы передо мною, тогда я изменю свое мнение о самом себе».

И все же иногда и у Базарова бывают сомнения в собственной значимости. «Узенькое местечко, которое я занимаю, до того крохотное в сравнении с остальным пространством, где меня нет и где до меня дела нет; и часть времени, которую мне удастся прожить, так ничтожна перед вечностью, где меня не было и не будет...»

Пробным камнем социальной ориентации в середине XIX века было отношение к народу, во имя которого и предпринимались все попытки изменить общественное устройство. Но Базаров и от этого народа не в восторге: «Русский человек только тем и хорош, что он о себе прескверного мнения». В споре с Павлом Петровичем Базаров заявляет, что русский народ вообще «заслуживает презрения» и что свобода ему едва ли пойдет впрок,

¹ «Нам» в данном случае говорится лишь для приличия. В действительности и Аркадий в глазах Базарова немногим лучше Ситникова, о чем он не замедлил ему сказать. Заметим, что в романе нет речи ни об одном истинном единомышленнике Базарова.

поскольку «мужик наш рад самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману в кабаке». Он признается Аркадию, что «возненавидел этого последнего мужика, Филиппа или Сидора, для которого я должен из кожи лезть и который мне даже спасибо не скажет... да и на что мне его спасибо? Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет; ну а дальше?» Вообще, как заявляет сам Базаров, «изучать отдельные личности не стоит труда. Все люди друг на друга похожи как телом, так и душой... небольшие видоизменения ничего не значат. Достаточно одного человеческого экземпляра, чтобы судить обо всех других. Люди что деревья в лесу; ни один ботаник не станет заниматься каждой отдельной березой».

К женщинам Базаров относится потребительски. Он «был великий охотник до женщин и до женской красоты, но любовь в смысле идеальном, или, как он выражался, романтическом, называл белибердой, непростительной дурью...» «Нравится тебе женщина, – говаривал он, – старайся добиться толку; а нельзя — ну, не надо, отвернись — земля не клином сошлась». Недаром же он говорит перед поездкой к Одинцовой: «Пожива есть...» И при объяснении с Одинцовой «не трепетание юношеской робости, не сладкий ужас первого признания овладел им: это страсть в нем билась, сильная и тяжелая — страсть, похожая на злобу и, быть может, сродни ей», и лицо его сделалось «почти зверским».

Однако не все его декларации соответствуют делу. При первой встрече с Одинцовой Базаров, к удивлению Аркадия, краснеет. Через некоторое время «кровь его загоралась, как только он вспоминал о ней; он легко сладил бы с своей кровью, но что-то другое в него вселилось, чего он никак не допускал, над чем всегда трунил, что возмущало всю его гордость. <...> ...Он с негодованием сознавал романтика в самом себе». А ведь несколько дней назад Базаров утверждал: «Человек, который всю свою жизнь поставил на карту женской любви и, когда ему эту карту убили, раскис и опустился до того, что ни на что не стал способен, такой человек — не мужчина, не самец».

Базаров очень не хочется в глазах Одинцовой выглядеть слабовольным мальчиком, который не в состоянии владеть собой. «Любовь, – говорит он ей, – ведь это чувство напускное», подчеркивая, что он сам «давно опомнился и надеется, что и другие забыли его глупости».

Характерно, что именно в этом эпизоде Тургенев стремится акцентировать свою авторскую объективность. По его словам, «оба думали, что говорили правду. Была ли правда, полная правда в его словах? Они сами этого не знали, а автор и подавно».

Несмотря на все отвращение Базарова к «романтизму» и к тем, кто способен «рассыропиться» от любви, он крайне тяжело переживает свой неудачный роман. В родительском доме «лихорадка работы с него соскочила и заменилась тоскливою скукой и глухим беспокойством». Перед другими Базаров старается не обнаруживать глубины своих переживаний. Не без иронии к самому себе он говорит Аркадию: «...Человеку иногда полезно взять себя за хохол да выдернуть себя вон, как редьку из гряды; это я совершил на днях...»

И при ссоре с Павлом Петровичем Базаров проявляет непоследовательность. «С теоретической точки зрения, – говорит он, – дуэль — нелепость; а с практической точки зрения — это дело другое».

Базаров прав, конечно, считая, что вся история с дуэлью «немножко на французский роман смахивает», но можно ли считать его соображение (Павел Петрович вызывает Базарова на поединок только потому, что сам влюблен в Фенечку — «это ясно как день») единственно верным?

Поединок на короткое время создает между антагонистами взаимопонимание, которое, однако же, вовсе не приводит их к примирению, а только еще более углубляет пропасть между Базаровым и Павлом Петровичем. «Молчание длилось, тяжелое и неловкое. Обоим было нехорошо. Каждый из них сознавал, что другой его понимает. Друзьям это сознание приятно, и весьма неприятно недругам, особенно когда нельзя ни объяснить, ни разойтись». В передаче же Базарова все вновь изображается в ироническом тоне.

«...Вот что значит с феодалами пожить. Сам в феодалы попадешь и в рыцарских турнирах участвовать будешь».

С самого начала романа Базаров сознает, что является чужеродным телом в атмосфере дворянской усадьбы, и тем не менее он не спешит расстаться с ней. В родительском доме он не сумел выдержать более трех суток. Одинцова также чувствует, что Базаров не вписывается в привычное ей окружение, несмотря на его превосходство над окружающими. Ей «жалко... стало его, и с участием протянула она ему руку. Но и он ее понял. «Нет! – сказал он и отступил на шаг назад. – Человек я бедный, но милостыни еще до сих пор не принимал».

Пожалуй, единственный раз на всем протяжении действия Базаров говорит без иронии и аффектации о себе и окружающих его, обращаясь к Аркадию: «...Для нашей горькой, терпкой, бобыльной жизни ты не создан. В тебе нет ни дерзости, ни злости, а есть молодая смелость да молодой задор; для нашего дела это не годится. Ваш брат дворянин дальше благородного смирения или благородного кипения дойти не может, а это пустяки. Вы, например, не деретесь — и уж воображаете себя молодцами, — а мы драться хотим. Да что! Наша пыль тебе глаза выест, наша грязь тебя замарает, да ты и не дорос до нас, ты невольно любишь себя, тебе приятно самого себя бранить; а нам это скучно — нам других подавай! нам других ломать надо!» Однако во имя чего намеревается Базаров «других ломать», он не уточняет.

Перед уходом в небытие Базаров становится проще и мягче. Он не спорит с отцом, желающим, чтобы сын исповедался перед кончиной, просит Одинцову «приласкать» его родителей. У него хватает самообладания, чтобы подвести горький итог прожитого. «И ведь тоже думал: обломаю дел много, не умру, куда! задача есть, ведь я гигант! А теперь вся задача гиганта — как бы умереть прилично, хотя никому до этого дела нет... Все равно: вилять хвостом не стану». Незадолго до смерти он и вовсе производит переоценку своих нравственных ценностей. «Отец вам будет говорить, что вот, мол, какого человека Россия теряет... Это чепуха; но не разуверяйте старика. <...> И мать приласкайте. Ведь таких людей, как они, в вашем большом свете днем с огнем не сыскать... Я нужен России... Нет, видно, не нужен. Да и кто нужен? Сапожник нужен, портной нужен, мясник...»

Весьма многозначителен в романе такой эпизод: «Когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди, один глаз его раскрылся, и, казалось, при виде священника в облачении, дымящегося кадила, свеч перед образом, что-то похожее на содрогание ужаса мгновенно отразилось на помертвелом лице».

Для понимания характера и позиции Базарова важное значение в романе имеют характеристики, которые дают ему другие действующие лица. Аркадий считает Базарова «одним из самых замечательных людей, с которыми я когда-либо встречался». Отец: «...Подобных ему людей не приходится мерить обыкновенным аршином...» Ситников называет себя «учеником» Базарова. Одинцова сначала находит Базарова «странным», а затем приходит к выводу, что он «не из числа обыкновенных» и что он не удовлетворяется скромною деятельностью». Катя видит в Базарове что-то «хищное». Павел Петрович: «Ненавижу я этого лекаришку; по-моему, он просто шарлатан»; «Вы воображаете себя передовыми людьми, а вам только в калмыцкой кибитке сидеть! Сила! Да вспомните, наконец, господа сильные, что вас всего четыре человека с половиною, а тех — миллионы, которые не позволят вам попирать ногами свои священнейшие верования, которые раздавят вас!»

В эпилоге романа Тургенев упоминает, что единственным продолжателем «дела» Базарова оказался Ситников, «тоже готовящийся быть великим». Искренне скорбят и хранят память по умершему лишь родители Базарова. Они «молятся и не могут покинуть это место, откуда им как будто ближе до их сына, до воспоминаний о нем... Неужели их молитвы, их слезы бесплодны? Неужели любовь святая, преданная любовь не всесильна? О нет! Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце не скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном

вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии «равнодушной» природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...».